

Особенности становления государства и права Британии в XI-XVI вв.: экономико-политические и культурологические аспекты

Features of Formation of State and Law in Britain in XI-XVI Centuries: Economic, Political and Cultural Aspects

Рахимова Г.В.

Аспирант кафедры теории и истории государства и права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
e-mail: grakhimova@mail.ru

Rakhimova G.V.

Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, F. M. Dostoevsky Omsk State University,
e-mail: grakhimova@mail.ru

Аннотация

В данной работе автор исследует междисциплинарные факторы, оказавшие критическое влияние на процесс становления государственности и права Британии в XI-XVI вв.: конфликт властей и классов, конфликт церкви и государства, христианизация, экономические трансформации, рецепция римского права, социокультурные факторы.

Помимо рецепции римского права, основными факторами автор находит конфликт и разделение властей как оказавшие наиболее стимулирующее влияние на развитие британского права и, в частности, - на становление судебного прецедента как источника права. Автор приходит к выводу, что, когда конфликт властей и классов в Британии перешел в системообразующую фазу, право перестало рассматриваться как инструмент узурпации власти, и прогрессировало в самостоятельную систему организации общества, выступающую гарантом баланса интересов его участников; что, в свою очередь, послужило фундаментом его ускоренного развития.

При этом автор заостряет внимание на ограниченном влиянии гуманистических традиций христианства на британское общество, и на обусловленные этим обстоятельством проблемы британской культуры. Через пример *bona fides* автор демонстрирует взаимосвязи между проблемами развития культуры и права Британии, определившие существо и качество современного английского права. Так, современное договорное право Британии до сих пор не признает определяющее значение добросовестности для экономического оборота, и даже напротив, находит принцип добросовестности не соответствующим подходам британцев к ведению дел и в какой-то степени вредоносным. В этой связи автор приходит к мнению, что, несмотря на богатый правовой инструментарий, британская правовая культура не показывает высокий эволюционный потенциал, что закономерно вызывает научный интерес для целей развития российского права, которое сегодня активно реформируется с фокусом на модели систем права англо-саксонской правовой семьи.

В работе автор опирался на аналитический и историко-правовой методы.

Ключевые слова: рецепция права, христианизация Британии, разделение властей, *bona fides*, судебный прецедент, *saveat emptor*, Реформация.

Abstract

in this paper the author highlights factors that had critical impact on the process of formation of statehood and law in Britain in the 11th-16th centuries, such as conflict of authorities and classes, the conflict of church and state, Christianization, economic transformation, reception of Roman law, sociocultural factors.

In addition to reception of Roman law, the author finds the conflict and separation of powers as the main factors that had most stimulating effect on the development of British law, and in particular the development of judicial precedent as a source of law. The author comes to the conclusion that when the conflict between the authorities and classes in Britain turned into a framework stage, the law ceased being used merely as an instrument for the usurpation of power, and progressed into an independent system of organization of society, serving to guarantee the balance of interests of its participants; which, in turn, was fundamentally important for its progressive development.

At the same time, the author points at limited influence of the humanistic traditions of Christianity on British society, and on the problems of British culture caused by this circumstance. Through the example of bona fides, the author demonstrates the correlation between the problems of the development of culture and law in Britain, which determined the essence and quality of modern English law. For example, modern contract law in Britain still does not recognize the decisive importance of good faith for the economy, and on the contrary, finds the principle of good faith inconsistent with the British approaches to doing business and to some extent even harmful. In this regard, the author comes to the conclusion that despite its developed legal means, the British legal culture does not show a high evolutionary potential, which circumstance requires our scientific interest for the sake of the development of Russian law, which is being actively reformed today with focus on Anglo-Saxon legal model.

In this work, the author applied analytical and historical legal methods.

Keywords: reception of law, Christianization of Britain, separation of powers, bona fides, judicial precedent, caveat emptor, Reformation.

Развитие права Британии в ранние периоды носило бессистемный и волнообразный характер. Значимые преобразования оно претерпевало преимущественно сообразно потребностям захватчиков [2, с. 291] Британии. Это сказалось на его сущностных характеристиках и общем, в какой-то степени «**лоскутном**» облике.

Так, германские племена разделили население Британии на «сотни», которые долгие века учитывались не только как административные единицы, но и как инструмент правопорядка и единицы правосудия. Нормандцы внедрили порядок учета имущества, населения; порядок и контроль уплаты дани – к слову, именно вокруг этих экономических интересов они заложили основы будущей государственности Британии. Всеобъемлющий длящийся характер носила рецепция Британией римского права: не говоря о латыни как языке права, о внедренных в период римского владычества концептах и традициях римского права [4, с. 838-839], даже после исхода римлян рецепция римского права не только не прекратилась, а напротив, набирала обороты. Историю этого заимствования можно проследить и по первым трактатам об английском праве, и в законодательных актах, и в процедурах правосудия, и в решениях судей [1, с. 81-91].

Влияние на становление права и государственности Британии отчасти оказало и **христианство** [4, с. 830-831], пришедшее в Британию вначале с римскими миссионерами, и позднее, вторично, с нормандцами [7, с. 8-9, 11]. Особую роль сыграли церковные суды, созданные после законодательного ограничения Вильгельмом Завоевателем рассмотрения церковных споров в судах сотен – в результате мощный виток развития получило каноническое право. Церковь под видом защиты христианских ценностей активно расширяла пределы его действия, открыто распространяя свою юрисдикцию на отношения, прямо с религией не связанные [7, с. 12, 17, 286-287]. Кроме того,

священнослужители, владевшие основами не только канонического, но и гражданского права [8, с. 319], латынью, неизменно стояли за нормотворческой инициативой как минимум в пределах IX-XIV вв.

Однако не следует и переоценивать влияние на британское право и правовую культуру христианской гуманистической традиции. Церковь, встраивая свои нарративы в практически еще варварскую культуру нормандской Британии, не форсировала освоение британцами целого ряда нравственных категорий. Так, идеи равенства всех перед Богом, сострадания и милосердия [5, с. 19] послужили фундаментом правосудия Британии; на христианских добродетели и постулатах выстроен институт брака [5, с. 51-56]; гуманистические тенденции приоритета морали над законом позволили естественно-правовым течениям обогатить философию права Британии [5, с. 65-66]. В то же время под лозунгами защиты веры вошли в историю суды католической инквизиции над гуманистами Реформации; специфический подход религии и церкви к отправлению божественной миссии запечатлен в ритуальных процедурах британского правосудия (типа ордалий), хотя формально и отрицаемых церковью еще с начала XIII в., но добросовестно исполняемых не менее чем до XV в.; не прослеживается сколько-нибудь значимое влияние христианской морали и на развитие концепции добросовестности как стандарта договорных отношений.

Другими словами, если влияние на развитие британского права самой церкви и священнослужителей как носителей римской правовой культуры было бесспорно и существенно, глубина аксиологических эффектов христианизации Британии была невелика. Как следствие, системообразующие трансформации происходили в британском обществе в силу его собственных ресурсов, и были значительно растянуты во времени. Поэтому обычаи и традиции как ключевой элемент правового быта юной Британии долгое время сохраняли в себе пережитки варварских культур ее завоевателей, и не характеризовались монолитностью и цельностью.

Как отмечено, не способствовала преобразованию обычая и сама религия, авторитет которой, кроме того, подрывался отнюдь не сакральным поведением священнослужителей в миру, а также высокой политической ангажированностью церкви. Развивающийся конфликт церкви и государства и скепсис по отношению к религиозным постулатам фактически предопределили отказ британского общества от общепринятого средневекового толкования христианских устоев. **Мораль перестала ассоциироваться с волей церкви** и фактически «огосударствлялась», церковь же утратила право на сопричастность к формированию обычая и традиции [7, с. 40-44] - стимулирующая роль в реформации британского обычая перешла к государству. Это послужило толчком и к самоидентификации британской культуры, и к проявлению ее как таковой в праве.

В рамках этих тенденций, сопутствуя стабилизации авторитета надплеменных властных структур Британии, шло постепенное **перемещение бремени ответственности** с племени на личность, утрачивали свое первоначальное значение круговая порука и другие древние обычаи, основанные на внутриплеменных связях.

Примечание - к XII-XIII вв. роль обычая как приоритетного регулятора общественных отношений уже практически утрачена, к XVI в. обычай, традиция как источники права обесценены государством окончательно [7, с. 41].

Развитие процессов «огосударствления» общества влекло наделение британца более значимой ролью и персональной ответственностью.

Примечание - к примеру, уже в XII в. это выразилось в обязывании представителей сотни независимо и справедливо расследовать правонарушения своих соплеменников; давать личную клятву в правдивости своих слов. Появились нормы о персональной ответственности за лжесвидетельство / укрывательство / небрежность при осуществлении правосудия и т.д.

С ослаблением племени и рода правообразующая роль окончательно переходила к государственной власти, это обусловило внутренний системный запрос на ее ускоренное развитие. Неразрешенный конфликт церкви и короны этот процесс стимулировал.

Право отчасти, преимущественно с формальной стороны, отвечало на этот запрос времени. Все большее значение приобретало **письменное нормотворчество**, обычай все чаще признавался через подтверждение законом [4, с. 838], применялся с условиями или изъятиями. В 1187 г., в первом английском трактате о праве, право комментировалось именно по письменным источникам права. Отдельное внимание в XII в. было уделено развитию функции государственного принуждения. К XIII вв. набирала обороты **унификация и централизация права**, формирование через письменную норму универсального стандарта общественного устройства, что особенно сказалось на уголовном праве Британии [7, с. 425-426]. Акты, изданные в XIII в., проявляют тенденцию урегулировать как можно больше сфер организации общества, сгруппировать их вокруг единого предмета - образцом этих преобразований была Великая Хартия вольностей (Магна Карта) [7, с. 24-26]. Укреплялась тенденция предметного развития гражданского права – оно, пусть и кустово, обогащалось нормами о договорах, наследовании, правах на недвижимость и т.п.

Немаловажную роль в выстраивании процессов государственного регулирования сыграло развитие экономики Британии. Британское **общество постепенно перерастало феодальный строй**. Разнузданные действия крупных феодалов блокировали государственное управление в провинциях и финансирование короля [7, с. 37], их грабительская финансовая политика вызывала все большее негодование крестьян. Все более значимой производной силой в обществе становились мелкие землевладельцы.

Примечание – так, в 1258 г. один из многочисленных мятежей баронов был поддержан мелкими землевладельцами, и во многом состоялся именно благодаря им [7, с. 26].

Ускорила падение феодального уклада и Черная чума, во время которой крестьянское население поредело, труд крестьян возрос в цене, у них появилась возможность выбирать место работы. Постепенно крестьяне приобретали права на землю, которую обрабатывали [7, с. 32-33]. Набирал обороты процесс урбанизации.

Законодательные акты того времени дают понять, насколько серьезное значение корона придавала коммерческому обороту – в них подтверждалась готовность государства гарантировать интересы представителей оборота и декларировалась непреложность ответственности за нарушения.

Трансформация общества тем временем продолжалась, и к периоду Реформации прежние политические и религиозные устои были уже практически разрушены, прежняя модель государственности эффективно атакровалась развивающимися центрами противостояния королевской власти. Зарождалась новая, сложноустроенная система общественных отношений, с множеством составляющих, конфликт между которыми был уже не системным сбоем, а системным свойством новой модели социального устройства.

Так, в основе конфликта властей были не только притязания короны и наиболее крупных феодалов, «окопавшихся» в парламенте, - немаловажную роль сыграл конфликт классов. Если раньше, в период главенства королевской власти и старой церкви, этот конфликт порой вуалировался христианскими догматами, сглаживался «доброй волей» и уступками короля, в силу чего сохранялась призрачная дымка божественного равенства, то теперь равенство в принципе и окончательно отрицалось.

Общество признало свою классовую разделенность. Укреплялись социокультурные отличия классов, постепенно осуществлялась внутриклассовая самоидентификация.

На этой основе выстраивались межклассовые экономические отношения. Если один класс эксплуатировал другой, то эксплуатируемый класс, признав такое положение дел, теперь отстаивал свои права в заданных социальных границах как нечто естественно причитающееся, обязательное, и требовал закрепления своих классовых прав; а

эксплуатирующий класс был вынужден поддерживать диалог с эксплуатируемым, учитывать его требования. Иначе под вопросом был сам процесс эксплуатации.

Эти противоречия между классами и представлявшими их органами управления стали основой нового общества, а выработка мер урегулирования – способом развития государства и его основной задачей. Состояние **латентного конфликта классов и властей**, сдерживаемого их равновесным положением, наконец было возведено в догму, послужившую фундаментом новой государственности Британии.

Процесс разделения властей, зародившийся еще в XII-XIII вв., к Реформации развивался стремительно: активно обособлялась законодательная власть, углубляла свои позиции судебная власть; корона, парламент и судебная система усилили конкурентное противостояние. Этот процесс не был скоротечным. Корона из века в век последовательно защищала свои позиции, при любом удобном случае стремилась вернуть утраченную юрисдикцию, расширить имевшиеся полномочия, укрепить их за счет всех иных ветвей власти. И, следует отметить, и спустя века ей удавалось, несмотря на ограничения и запрос общества, локально превосходить компетенцию как парламента, так и судебной системы.

Так, к примеру, когда законодательная и судебная власть уже получили незыблемые полномочия, «отпочковавшись» от королевской, Генрих VIII закрепил за короной право издавать манифесты в обход парламента, с равной актам парламента юридической силой, и при этом создав еще один вид судов, рассматривающих споры об этих манифестах, вновь в обход системы судов общего права. Или, к примеру, в 1793 г. было установлено, что закон приобретает юридическую силу с момента его утверждения короной, если в нем не оговорен иной порядок [7, с. 311].

Тем не менее, к периоду Реформации королевская власть все же уступала свои позиции законодательному собранию, и этот эффект уже не был временным. Так, к примеру, хотя длительное время высшей инстанцией для обжалования неудобных решений суда оставался король [7, с. 170], в XVI в. и далее решения суда второй инстанции (King's bench), как и решения суда справедливости, обжаловались в Парламент [7, с. 193].

В то же время парламент, не обладавший изначально ни функциональной самостоятельностью, ни самостоятельным политическим весом, хотя при ослаблении короны и претендовал на самостоятельный курс и даже диктатуру в отношении других ветвей власти, по авторитету и глубине полномочий неизменно все же уступал им. Такое положение дел не могло не сказаться на силе актов законодательной власти. Так, начиная с XIII-XIV вв., судебная власть неоднократно ставила под вопрос действительность и юридическую силу статутов, уже к XVI-XVII вв. уверенно заявляя о приоритете своих актов над статутами. Это впервые произошло в решении Главного судьи Коука по *Bonham's case* в 1610 г., и, хотя официально концепция принята не была, да и сам Коук позднее от нее отрекся, **дискредитация законодательного акта** как акта власти и в профессиональном сообществе, и на политической арене стала естественным явлением.

В этом контексте занимателен и интерес судов общего права к юридической силе закона, который никогда не применялся. Если сначала она признавалась незыблемой, то к концу XIII и в XIV в. ситуация изменилась. Ближе к середине XIV в. стороны при обращении в суд были вынуждены, прежде чем сослаться на статут, сначала получить у короля подтверждение действительности этого статута, и направляли суду свои требования лишь по получении такового [7, с. 320-323]. Позднее эта тенденция утратила влияние, но, во-первых, на это ушло больше века, а во-вторых, впоследствии вопрос о потенциальной недействительности статута при отсутствии правоприменительной практики по нему все же поднимался не раз, и успешно. Становилась традиционной **лабильность статута**.

При этом политическая борьба не ослабевала, поэтому вопрос об абсолютном приоритете актов одной ветви власти над актами других долгое время разрешен не был.

К слову, этот процесс был чрезвычайно долог, и с уверенностью утверждать его завершенность нельзя и сегодня - лишь ближе к XIX в. устоялся подход об общепризнанности прецедента как источника права, и то, с изъятиями [7, с. 331-332]; а уже в XX и XXI вв. многие ключевые отрасли нормативно урегулировали общественные отношения именно в законодательных актах.

Показателен в этой связи и дискурс по толкованию статутов судами. Если в период раннего Средневековья толкованием статутов традиционно занимались те, кто их создавал (т.е. король, совет при короле), то уже к началу XIV в., в связи с усложнением функции парламента, законодательства, а также начавшимися процессами разделения властей, право толковать закон постепенно закрепилось за судами. Это, помимо прочего, позволяло локально восполнять недостатки закона. По мере развития конфликта властей судам в презумпции правильного понимания смысла закона, впрочем, было отказано, а их полномочия в этой связи ограничены. Суды воспользовались этими ограничениями для очередной девальвации актов законодательной власти, отказавшись их применять со ссылкой на низкое качество, не позволявшее определить волю законодателя. В ответ к середине XIV в. им было предписано применять закон строго «как написано» [7, с. 311-320], т.е. дискретность судебной системы вновь была ограничена.

Тем временем в выстраивающейся системе координат британского общества – в условиях системообразующего конфликта властей – право уже не могло рассматриваться как инструмент узурпации власти. Оно прогрессировало в самостоятельную систему организации общества, учитывающую множественность интересов его участников - право становилось самодостаточным гарантом их баланса. Этот фундаментальный по своему значению функционал требовал, с одной стороны, закрепления на уровне традиции новых подходов к пониманию и применению права, и повышения его авторитета; и с другой, ускоренного развития права сообразно новым экономическим и политическим запросам общества. Еще более важной и сложной задачей было мирное определение ветви власти, обладающей приоритетом в его формировании.

В этой связи следует помнить, что экономический оборот в Британии долгое время не был нормативно урегулирован, а в условиях слабеющей королевской власти и ограниченной доступности парламентских функций это усиливало **спрос на правосудие**. Несмотря на то, что суды не стремились заменить своими актами отсутствующее нормативное регулирование [7, с. 150-151], зачастую государство не оставляло другого выбора, практически перекладывая на них ответственность за принятие решений в отсутствие каких-либо применимых правовых механизмов и процедур.

Так, к примеру, когда церковь в 1215 г. формально отказалась признавать ордалии, которые на тот момент были единственным способом доказывания вины, а в 1219 г. Генрих III это решение поддержал, судьям в качестве альтернативы было предложено выносить решения, обязывающие потенциально виновных либо покинуть страну или оставаться в заключении (для серьезных правонарушений), либо привести сторонников для подтверждения репутации (для мелких правонарушений). Такие решения они должны были принимать, основываясь на своем личном убеждении [7, с. 115-115].

Это тоже, естественным образом, ускоряло развитие судебной системы: активно вырабатывались новые формы судебных постановлений и формы иска (этот процесс усилился к XIV в.); формировалась система контроля качества правосудия через обжалование; развились в полноценную систему права суды справедливости и право справедливости; вслед за правом справедливости эволюционировало и общее право. Все чаще позиция и выводы судьи ложились в основу других решений. Судебная система прогрессировала в самоорганизующуюся инстанцию, которая была способна не только участвовать в политической борьбе наравне с иными ветвями власти, но и превосходить их. Судебный прецедент в качестве потенциального источника права отвечал потребностям времени.

Во-первых, формирование нормы права в формате прецедента обеспечивало **гибкость регулирования**, которой закон не обладал. Это имело огромное значение для Британии, особенно в реформационный период, когда социальные регулятивы были в фазе активного обновления.

Во-вторых, от качества судебного прецедента зависела репутация судьи, что в новых условиях приобрело особое значение. Вынося решение, которое, общеизвестно, будет отражено в ежегодных бюллетенях, изучаться студентами факультетов права и цитироваться коллегами в дискуссиях, судья не ограничивался анализом с позиций известного права – он все чаще обращался к универсальным подходам и обобщениям, что развивало **нормативные характеристики прецедента**.

В-третьих, в условиях Реформации судья принимал прямое участие в формировании стандартов и пределов приемлемого поведения. На этом фоне осознание универсального значения своих решений, принятие ответственности за их социальные эффекты, **глубина анализа** [9, с. 11] – именно то, в чем нуждался судебный прецедент нормативного характера – редкие и неэффективные парламентские сессии обеспечить не могли.

При этом аксиологические проблемы британской правовой культуры все эти процессы, пусть даже глубоко реформационные, не снимали. Особенности британской культуры, сохранившиеся еще со времен нормандского периода, сказались на британском праве. Отсутствие незыблемых нравственных регулятивов, которые христианству внедрить в британскую ментальность так и не удалось, а государство выраженный интерес к ним не проявило, отразилось на качестве и существовании правовых подходов, на которые опирались и до сих пор опираются британские суды. Один из примеров этого культурно-правового коллапса Британии – судьба концепции добросовестности.

Bona fides – опорная конструкция римской правовой культуры еще со времен Двенадцати таблиц – золотой стандарт, подразумевающий честность и недопустимость жульничества в договорных отношениях, фундаментальный принцип, определяющий качество и уровень не только правовой, но и культуры в целом, в Британии в качестве незыблемого базиса договорных отношений не закрепился.

Известно, что римская культура сама по себе никогда не отличалась культурологической глубиной, нравственностью и гуманизмом. Римское общество характеризовали жестокость, прагматизм, порой беспринципность. Наибольшую историческую значимость римская культура приобрела через мощное военное устройство и высокую колонизаторскую активность, а также через глубочайшую методологию организации и управления общественными отношениями, аналогов которой нет и сегодня.

Другими словами, римская правовая культура признавала *bona fides* в качестве одного из базисов римской системы права не в силу влияния нравственных начал. Так как римское общество основывалось на идейном прагматизме, именно прагматизм обусловил внедрение в культурный код делового оборота добросовестности, так как именно этот принцип как базис отношений гарантировал устойчивость экономического оборота, которому в Римской империи придавалось определяющее значение. Как бы то ни было, на фоне незыблемости *bona fides* в римской правовой культуре и системообразующего влияния на развитие права во всех правовых системах мира, теряет свое историческое значение то обстоятельство, что *bona fides* уходит корнями не к нравственным началам, а к прагматизму как своеобразному эйдосу римской культуры.

Нормандцы, хотя в жестокости и прагматизме римлянам не уступали, интеллектуальным ресурсом, который позволил бы создать своими силами модель регулирования общественных отношений, подобную римской или превосходящую ее, не обладали. Именно поэтому с самого начала существования нормандской Британии правовое устройство и организация общества, в ограниченной части опираясь на местный обычай, сталкиваясь с все новыми социальными запросами, выстраивались исключительно за счет конструкций римского права. При этом, институты и понятия

римского права использовались в отрыве от римской модели организации общества и культуры, бессистемно, кустово, с опорой на идеологические аспекты культуры нормандской и других варварских племен, оставивших свой культурный след в Британии.

Совестливость базисом в этих культурах не была, как и честность - нормой делового поведения – для них традиционным было приобретение ресурсов за счет физической силы [7, с. 40] и ловкачества. Как следствие, в нормандской Британии преобладали приоритет личного интереса не только над интересом, но и над автономией другого, и отрицание справедливости как универсального вектора развития [3, с. 130-132,140]. Британское общество, развивавшееся в этой культурной парадигме на протяжении нескольких веков, приняло ее за свою основу [3, с. 131]. Поэтому, когда элементы римского права заимствовались и внедрялись правоведами в формирующуюся систему договорных отношений, принцип добросовестности в число таких заимствований не попал – он не коррелировал с культурным кодом Британии.

Это безусловно сказалось на темпах эволюции британской правовой культуры. К примеру, потому что ценность обещания была невелика, британский оборот долго не признавал личные гарантии самодостаточным обеспечением в сделках – слово попросту не соблюдалось, если только речь не шла о «спасательном круге» Средневековья – законе круговой поруки. По мере укрепления в британской культуре новых парадигм – с определяющим уклоном в репутационную составляющую – обеспечение в сделке приобретало все более символическое значение [7, с. 590-595], чаще личная гарантия заменяла актив, пока наконец необходимость в обеспечении для большинства сделок не отпала вовсе. Однако на эту трансформацию ушли века.

Поразительно, но и до сегодняшнего дня Британия так и не выработала категоричных подходов к обязательности честного и обоюдно порядочного поведения при заключении и исполнении сделок. Суды и правоведы Британии, несмотря на редкие высказывания в пользу добросовестности как неотъемлемого элемента правовой культуры и государственной политики (одна из наиболее ярких, но все же неудачных попыток – позиция судьи Мэнсфилда в знаменитом деле XVIII в. *Carter v Boehm* (1766) [3, с. 132]), и необходимости соответствующих изменений, в большинстве своем убеждены [3, с. 130-131,134], что подобная модификация скорее навредит английскому праву и обороту, нежели поспособствует развитию.

Словно хронотопы эти дискуссии отражают сохранившуюся до наших дней почти в неизменном виде ментальность все той же нормандской Британии. Она прослеживается в аргументах против генерализации добросовестности, суть которых удивительно проста: необязательность добросовестности в договорных отношениях - залог простоты и понятности этих отношений, так как добросовестность британскому договорному праву не близка; уравнивание *caveat emptor* применением *bona fides* не принесет в оборот стабильность, а, напротив, повлечет обширное оспаривание условий недобросовестно заключенных договоров, что отрицательно скажется на флагманской для британского права свободе договора и свободе выбора действий; как и ранее, добросовестность должна служить исходным правилом, только если в договоре специально закреплена такая обязанность сторон; именно за счет таких подходов британское право пользуется высочайшим международным спросом и так привлекательно для крупных игроков [6, с. 4, 6-8,10, 11, 17, 22-23, 30; 3, с. 131, 133, 137, 155].

Иначе говоря, британское правосудие до сих пор убеждено, что поддерживать оборот способны взаимное недоверие и право на выгоды, приобретаемые в результате нечестного поведения, в то время как польза добросовестности как фундаментальной максимы договорных отношений сомнительна. Как следствие, перспективы *bona fides* в британской правовой культуре не ясны [6, с. 21, 24, 25], см. также к примеру *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corporation Ltd* (2013).

Причины такого статуса правовой культуры Британии, как представляется, не линейны, и в ретроспективе проявляются в множестве взаимовлияющих связей и событий,

которым в некоторой степени уделено внимание в настоящей работе: это и кровавая предыстория нормандской Британии, и фрагментарность гуманистических эффектов христианизации, и экономические факторы, и проблемы рецепции римского права, и мн. др. При всей значимости каждого из них в отдельности, важности их совокупного анализа и, конечно, анализа их следствий, нельзя не отметить их общий синергетический эффект: британская правовая культура не просто не видит необходимости в глубокой критической переоценке своих идеалов и подходов, она не обнаруживает в себе внутреннего ресурса для такой переоценки. По мнению автора, это обстоятельство в очередной раз доказывает прямые взаимосвязи между состоянием культуры общества и качеством его права.

Автор исходит из того, что приведенный анализ хоть в малой степени будет способствовать тому, чтобы российское правоведение, в том числе благодаря междисциплинарному и, в первую очередь, историческому дискурсу, смогло избежать подобных мировоззренческих ограничений, а также предубеждений, препятствующих естественной эволюции российского права.

Литература

1. Рахимова Г.В. Римское право в Британии: история влияния на примере Кларендонских Конституций 1164 года // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 12. – С. 81 - 91. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.12.26623 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26623, свободный. – Загл. с экрана.
2. Lefroy, A.H.F. The Anglo-Saxon Period of English Law // The Yale Law Journal: Vol. 26, No. 4 (Feb., 1917), pp. 291-303. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: <http://www.jstor.org/stable/pdf/786820.pdf>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Maud Piers. Good Faith in English Law – Could a Rule Become a Principle? // Tulane European & Civil Law Forum, Vol. 26, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: <https://journals.tulane.edu/teclf/article/view/1824>, свободный. – Загл. с экрана.
4. McSweeney Thomas J., “English Justices and Roman Jurists: The Civilian Learning Behind England’s First Case Law” (2012). Faculty Publications. 1530. // Temple Law Review. 2012. Vol. 84 No.4, с. 821-862. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: <https://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2573&context=facpubs>, свободный. – Загл. с экрана.
5. O’Sullivan, R. The Inheritance of the Common Law – London: Stevens & Sons Limited, 1950. – 118р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: https://socialsciences.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/schoolofhumanitiesandsocialsciences/law/pdfs/The_Inheritance_of_the_Common_law.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
6. Paul S. Davies, The Basis of Contractual Duties of Good Faith, 2019 1-1 Journal of Commonwealth Law 1, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: <https://canlii.ca/t/sjb4>, >, свободный. – Загл. с экрана.
7. Plucknett, Theodore F.T. A Concise History of the Common Law, 5th ed.-Boston: Little, Brown and Co., 1956. – 802р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: http://lfooll.s3.amazonaws.com/titles/2458/Plucknett_1578_Bk.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
8. Sherman, C.P. The Romanization of English Law // The Yale Law Journal: Vol. 23, No. 4 (Feb., 1914), pp. 318-329. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: <http://www.jstor.org/stable/785012>, свободный. – Загл. с экрана.
9. Sir Leslie Scarman. The Common Law and Ethical Principle – London: 57th Conway Memorial Lecture, 16th November 1976. [Электронный ресурс]. – Режим доступа на 21.03.2022.: https://conwayhall.org.uk/wp-content/uploads/2015/01/SIR_LESLIE_SCARMAN_1976_Part1_51027f8d502cd.pdf, свободный. – Загл. с экрана.